O.V.K — X.T.R

СМЕХ

УСТРОЙСТВО СМЕШНОГО И РЕМЕСЛО ШУТКИ

ОТЧЕГО СМЕЮТСЯ И КАК СМЕХ ВЕДУТ

O.V.K — X.T.R

СМЕХ

УСТРОЙСТВО СМЕШНОГО И РЕМЕСЛО ШУТКИ

Книга о том, отчего человек смеётся и над чем,
как строится шутка и как её ведут в речи, споре и учении,
кто смехом бьёт и кто им торгует — и где смех есть мера серьёзности

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Смеха боится даже тот, кто уже ничего не боится».

— Гоголь, «Театральный разъезд»

Книга писана для того, кто шутит,
и для того, над кем шутят.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое смех 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Древние о смехе 5
V. Три учения о смешном 6
VI. Опыты нашего века 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем смех не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Три вида 11
X. Несовпадение и разрешение 12
XI. Ожидание и подмена 13
XII. Срок и пауза 14
XIII. Смех и страх 15
XIV. Смех и превосходство 16
XV. Смех и общность 17
XVI. Мера смешного 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Строение шутки 20
XVIII. Острота в разговоре 21
XIX. Смех над собой 22
XX. Смех в речи 23
XXI. Смех в учении 24
XXII. Смех в споре 25
XXIII. Смех и власть 26
XXIV. Смех как лекарство 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Осмеяние 29
XXVI. Смех толпы 30
XXVII. Шутка как увёртка 31
XXVIII. Торговля смехом 32
XXIX. Смех как бегство 33
XXX. Пошлость 34
XXXI. Запрет смеха 35
XXXII. Обида 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего смех не может 38
XXXIV. Смех и серьёзность 39
XXXV. Смех и дело 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена смеющегося 42
XXXVIII. Правила шутящего 43
XXXIX. Правила осмеянного 44
XL. Заключение: смех и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВАНИЯ

Что есть смех и откуда его имя, что знали древние,
три учения о смешном и что нашли опыты,
и отчего смех есть общий, а не одинокий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое смех

Смехом зовётся телесный ответ на несовпадение, разрешённое безопасно: ожидалось одно, явилось другое, и зла в том нет; тело выдыхает толчками, и выдох этот слышен другим.

Определение содержит четыре части, и на них стоит книга. *Телесный ответ* — смех есть прежде всего тело, как и страх, о котором книга о страхе: дыхание, лицо, звук; и он приходит прежде рассуждения. *Несовпадение* — смешное есть то, что не сошлось: слово со смыслом, поза с саном, ожидание с исходом. *Разрешённое безопасно* — несовпадение, грозящее злом, даёт страх; то же несовпадение без зла даёт смех; и оттого смех и страх соседи. *Слышен другим* — смех есть знак, посылаемый людям; наедине смеются в тридцать раз реже.

Книга эта стоит рядом с книгами о страхе, о риторике и о толпе: страх и смех суть два ответа на одно несовпадение; риторика знает смех как приём; толпа смеётся хором.

Различим наперёд три вещи, о которых глава девятая: **смех тела** — от щекотки, от заражения, от облегчения; **смех ума** — от шутки, от остроты, от несовпадения понятого; **смех общий** — от осмеяния, от карнавала, от того, что смеются все. Одно тело; разные причины; и разное ремесло.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: виды, несовпадение, ожидание, срок, страх, превосходство, общность, мера; третья — ремесло: шутка, острота, смех над собой, речь, учение, спор, власть, лекарство; четвёртая — противник: те, кто смехом бьёт и торгует; пятая — граница смеха и серьёзности, правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Русское «смех» родственно «смеяться» и восходит к корню, означавшему улыбку и веселье; и в нём с самого начала — лицо и звук вместе.

Греческое gelos — смех; от него «гелотология», наука о смехе. Komos — весёлое шествие; от него «комедия» — песнь шествия. **Латинское** risus — смех; ridiculus — смешной; от него «ридикюль» и «ridicule». Humor — влага, телесный сок; по Гиппократу, соки определяли нрав, и «юмор» стал нравом, потом — способностью смешить. Satura — смесь, блюдо из всего; сатира — смесь, бьющая смехом.

Различим слова. *Смех* — ответ тела. *Смешное* — то, что его вызывает. *Юмор* — нрав, видящий смешное без злобы. *Острота* — смешное в одном слове. *Шутка* — смешное, устроенное нарочно. *Ирония* — слово, значащее обратное; от греческого «притворство». *Сатира* — смех, бьющий порок. *Насмешка* — смех, бьющий человека. *Улыбка* — смех без звука, знак приязни. *Хохот* — смех, потерявший меру.

«Юмор» в нынешнем смысле — с английского восемнадцатого века, где различили wit — остроумие, острое, — и humour — добродушное. Различие это полезно: острота колет, юмор греет.

Заметим, что в этой книге *смех* означает ответ тела и знак людям, а *смешное* — устройство, его вызывающее; и ремесло имеет дело со вторым, а защита — с первым.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют ремесло от пошлости и от осмеяния.

Первое: смех есть тело, и он общий. Он приходит прежде рассуждения, как страх; и он посылается *людям*: наедине не смеются. Оттого смех заразителен, как страх в толпе, о чём книга о толпе; и оттого смеющийся зал сильнее смеющегося одного.

Второе: смешное есть несовпадение, разрешённое без зла. Ожидание и исход не сошлись; ум искал смысла и нашёл иной; и зла в том нет. Отними безопасность — будет страх; отними несовпадение — будет скука. Всё ремесло третьей части есть устройство несовпадения и его разрешения.

Третье: смех имеет мишень, и по мишени судят о смехе. Смеются над чем-то или над кем-то; и смех над своим — юмор, смех над чужой слабостью — насмешка, смех над пороком — сатира, смех хором над одним — травля. Устройство одно; различие в мишени; и оттого четвёртая часть есть часть о мишенях.

Из трёх положений выводится ремесло и его противники: кто смешит, тот строит несовпадение и выбирает мишень; кто бьёт смехом, тот выбирает мишенью человека и зовёт хор; кто торгует смехом, тот продаёт тело без ума.

И заметим родство с книгой о риторике: смех есть приём речи, известный Цицерону; и приём этот действует тем, что зал, смеющийся с тобой, уже на твоей стороне.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Древние о смехе

Древние знали о смехе главное и оставили ремесло и предостережение.

Аристотель: из всех живых существ смеётся лишь человек; и смешное есть «ошибка и безобразие, не причиняющие страдания» — несовпадение без зла, определение первой главы. Вторая книга «Поэтики», о комедии, утеряна, и утрата эта — сюжет романа Эко.

Комедия. Аристофан бил смехом Сократа, Клеона, войну; и город позволял: смех был законной речью. Древняя комедия — сатира; новая, Менандра, — смех над нравами и положениями; и от неё вся европейская комедия.

Демокрит — «смеющийся философ», смеявшийся над глупостью людской; Гераклит плакал о ней же; и пара эта — два ответа на одно несовпадение.

Цицерон в «Об ораторе» дал первое ремесло: смех в речи полезен, ибо располагает и снимает довод противника; мишень — не несчастье и не порок великий, а мелкое и безобразное; мера — не быть шутом. Квинтилиан прибавил: смех не даётся учением, но учением удерживается в мере.

Шут. При дворах — тот, кому позволено смеяться над правителем; клапан, о котором глава двадцать третья.

Чему это учит. Древние различили смех над пороком и смех над несчастьем, положили смех законной речью и дали ремеслу меру; и всё, что нашли учения и опыты, есть уточнение этого.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Три учения о смешном

Философы дали три учения о том, отчего смешно; и все три верны — каждое о своём виде смеха.

Превосходство. Гоббс: смех есть «внезапная слава» — чувство своего превосходства над другим или над собой прежним. Смех над упавшим, над глупцом, над чужим промахом. Учение верно для насмешки и травли; и оно объясняет, отчего смех бьёт.

Несовпадение. Кант: смех есть «ожидание, разрешившееся в ничто»; Шопенгауэр: несоответствие понятия и вещи. Каламбур, нелепость, шутка с подменой. Учение верно для смеха ума; и оно объясняет строение шутки, о чём глава семнадцатая.

Разрядка. Спенсер, Фрейд: смех есть выход накопленного — страха, запрета, напряжения. Смех после испуга, смех над запретным, смех на похоронах. Учение верно для смеха тела; и оно объясняет, отчего смешно там, где страшно и где нельзя.

Бергсон, 1900: смешно «механическое, наложенное на живое» — человек, действующий как вещь: рассеянный, упрямый, повторяющий; и смех есть кара общества за окостенение. Учение о мишени: общество смеётся, чтобы поправить.

Урок: *три вида смеха — три учения; ремесло строит несовпадение, защита знает превосходство, мера знает разрядку*; и книга пользуется всеми тремя, не выбирая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опыты нашего века

С семидесятых годов смех изучают приборами и наблюдением, и итоги надлежит знать вместе с оговорками.

Провайн, 1990-е. Наблюдал тысячи смехов в жизни: в обществе смеются в тридцать раз чаще, чем наедине; большинство смехов — не после шуток, а после обычных фраз; смеётся чаще говорящий, чем слушающий; и смех идёт в конце фразы, не разрывая её. Смех есть знак *людям*, а не ответ на шутку.

Младенцы смеются с четырёх месяцев — от щекотки и от «ку-ку»: несовпадение без зла в самом простом виде; и смех этот — знак матери.

Обезьяны смеются при игре и щекотке звуком, похожим на наш; смех старше речи.

Заражение. Записанный смех заставляет смеяться и оценивать шутку выше; на этом — закадровый смех, о чём глава двадцать восьмая.

Тело. Смех учащает пульс и потом снижает, расслабляет мышцы, снимает боль на время; но «смех продлевает жизнь» — не показано; о мере обещаний — глава двадцать четвёртая.

Мозг. Шутка задействует области, ищущие смысла, и области награды: ум решил задачу и получил плату; это несовпадение и разрешение, измеренные.

Урок общий: *смех есть знак людям прежде, чем ответ на смешное; он заразителен и телесен; и лечебная сила его умеренна.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас смех был делом опасным и оттого изученным глубоко; и линия эта надлежит знать.

Скоморохи — смех площади, гонимый церковью и властью; указ 1648 года запретил их. **Юродивые** — смех наизнанку: смеялись над ними, а они говорили царю правду; Лихачёв назвал это «смеховым миром» Древней Руси — изнанкой, где всё наоборот.

Гоголь — смех как «единственное честное лицо» комедии: «над кем смеётесь? над собой смеётесь». Смех, который бьёт не человека, а порок, и не щадит смеющегося.

Бахтин о Рабле: карнавал — смех всенародный, двойственный, где верх и низ меняются на срок; смех, который хоронит и рождает разом; о нём глава пятнадцатая.

Пропп в «Проблемах комизма и смеха» разобрал виды: смех насмешливый, добрый, злой, жизнерадостный, обрядовый; и показал, что смешное есть обнаружение недостатка, скрытого за внешним.

Зощенко, Ильф и Петров, Хармс — смех при несвободе: язык, который говорит одно и значит другое; ирония как способ выжить, о чём глава двадцать третья.

Урок линии: у нас смех был речью правды при запрете правды; и оттого он знал меру лучше, чем там, где был безопасен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем смех не является

Отсечём лишнее, ибо смехом зовут многое.

Смех не есть радость. Смеются от страха, от стыда, от неловкости; радуются молча. Смех есть знак, радость — состояние.

Он не есть ответ на шутку. Большинство смехов — без шутки, в разговоре; шутка есть частный случай.

Он не есть безобидность. Смех бьёт; Гоголь прав; и четвёртая часть о том.

Он не есть противник серьёзности. Смех над серьёзным серьёзен; о том глава тридцать четвёртая.

Он не есть дар. Острота даётся, мера выучивается; Квинтилиан прав.

Он не есть лекарство от всего; о мере — глава двадцать четвёртая.

И он не есть одинокое: наедине смеются редко, и смех, устроенный для себя одного, есть редкость.

Что же он есть? *Телесный знак людям о несовпадении без зла; заразительный, бьющий по мишени, имеющий меру.* Об устройстве — вторая часть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

Три вида смеха, несовпадение и разрешение, ожидание и подмена,
срок и пауза, смех и страх, смех и превосходство,
смех и общность, мера смешного

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три вида

Смех бывает трёх видов по тому, откуда приходит; и всякий вид имеет своё устройство и свою мишень.

смех тела	смех ума	смех общий
разрядка	несовпадение	мишень и хор

Смех тела. От щекотки, от заражения, от облегчения после страха, от запретного. Мишени нет; ума почти нет; тело разряжается. Он самый заразительный и самый бессмысленный: смеются, потому что смеются.

Смех ума. От шутки, остроты, каламбура, нелепости понятой: ум искал смысла, нашёл иной, и это без зла. Он одинок бывает — над книгой; и он есть предмет ремесла: строение его — глава семнадцатая.

Смех общий. Хором над одним — осмеяние; хором над всеми — карнавал; хором над властью — сатира. Мишень есть всегда; и сила его не в шутке, а в хоре: смеются, потому что смеются все, о чём книга о толпе.

Три учения главы пятой суть учения о трёх видах: разрядка — о теле, несовпадение — об уме, превосходство — об общем.

Правило: *прежде спроси: смеётся тело, ум или хор; и мишень ищи у третьего.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Несовпадение и разрешение

Смешное ума устроено из двух частей: несовпадения и его разрешения; и оба нужны — несовпадение без разрешения есть нелепость, разрешение без несовпадения есть скука.

Несовпадение. Два смысла в одном слове; поза, не по сану; следствие, не по причине; ответ, не на вопрос. Ум ждал одного — явилось другое.

Разрешение. Ум находит, как другое всё же сходится: второй смысл слова, скрытую причину, правило наоборот. Находка есть плата уму, о которой глава шестая; и смех — знак, что найдено.

Скорость. Разрешение должно быть найдено мгновенно и самим слушателем; объяснённая шутка не смешна, ибо находка отнята. Оттого шутка кратка: длинная даёт время найти прежде срока.

Безопасность. Несовпадение, грозящее злом, даёт не смех, а страх; и одно и то же падение смешно на сцене и страшно на льду. Расстояние — сцена, рассказ, прошлое — делает безопасным; о чём глава тринадцатая.

Нелепость — несовпадение, не разрешаемое: Хармс, абсурд; смешна тем, что ум ищет и не находит, и смеётся над самим поиском.

Правило: *дай уму несовпадение и дай найти разрешение самому, быстро и без зла; и не объясняй.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ожидание и подмена

Ремесло смешного есть ремесло ожидания: сперва его создать, потом подменить; и кто не умеет создавать ожидания, тому нечего подменять.

Создание. Первая часть шутки строит ожидание: обстановка, лицо, ход событий, в котором всё ясно. Чем прочнее ожидание, тем сильнее подмена; и оттого мастер тратит на первую часть больше слов, чем на вторую.

Подмена. Последнее слово меняет смысл всего сказанного; ум перечитывает первую часть заново и находит второй смысл. Подмена должна быть в конце: слово, стоящее прежде конца, не подменяет, а сообщает.

Виды подмены: слово — каламбур; лицо — говорил не тот; причина — не оттого; масштаб — великое и мелкое поменялись; порядок — следствие прежде причины; буквальность — переносное понято прямо.

Тройка. Два раза ожидание подтверждено, третий — подменено; так устроены сказки и анекдоты о трёх, о чём книга о сказке. Два — мало, чтобы создать ожидание; четыре — много.

Повтор — иное устройство: одно и то же в третий раз смешно тем, что ожидание подменено самим совпадением; Бергсон о механическом.

Правило: *строй ожидание долго, подменяй в последнем слове; и помни тройку.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Срок и пауза

Одна и та же шутка смешна и не смешна по сроку; и ремесло срока не даётся книгой, но описывается ею.

Пауза перед подменой. Секунда молчания перед последним словом даёт ожиданию дозреть; слишком долгая — даёт найти разрешение раньше. Мера — вдох.

Пауза после. Дать смеху выйти; говорящий поверх смеха теряет и смех, и слова. О паузе как о владении залом — книга о риторике.

Место в разговоре. Провайн: смех идёт в конце фразы, в промежутке; шутка, вставленная в середину чужой речи, есть перебивание, а не шутка.

Срок дня. Смешное за столом вечером не смешно на собрании утром; общество должно быть готово к смеху, о чём глава пятнадцатая.

Срок события. «Слишком рано» — шутка о беде, покуда беда близка; расстояние во времени делает безопасным; и мера его различна для своих и чужих.

Быстрота ответа. Острота в разговоре ценна тем, что мгновенна; острота, найденная на лестнице, о чём говорил Дидро, остаётся на лестнице.

Правило: *вдох перед подменой, тишина после; в промежутке чужой речи; в срок общества и в срок события*.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Смех и страх

Смех и страх суть два ответа на одно несовпадение, и разделяет их безопасность; оттого смех гасит страх, а страх глушит смех.

Устройство. Тело собрано на угрозу; угроза оказалась мнимой; тело разряжается смехом. Смех после испуга есть самый сильный смех тела; на этом — страшные истории у костра и комедия положений.

Смех над страшным. Назвать страшное смешным значит уменьшить его образ, о чём книга о страхе: образ, над которым смеются, не пугает. Солдаты, врачи, могильщики смеются над тем, с чем работают; это не бесчувствие, а ремесло меры.

Расстояние. Страшное становится смешным на расстоянии: во времени, на сцене, в рассказе, в чужом городе. Убрать расстояние — и смех кончится.

Страх смеха. Гоголь: смеха боится и бесстрашный. Осмеяние страшнее кары, ибо кара кончается, а смех помнят; о том глава двадцать пятая и книга о страхе о страхе стыда.

Смех как оружие против страха у власти: тиран, над которым смеются, уже не страшен; о том глава двадцать третья.

Мера. Смех над чужой бедой вблизи есть не разрядка, а насмешка; расстояние делает его позволенным, и мера расстояния — чужая боль.

Правило: *смейся над образом, чтобы он не пугал; дай расстояние; и не смейся над тем, кому больно сейчас.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Смех и превосходство

Гоббс прав для трети смехов: смеются сверху вниз; и устройство это надлежит знать, ибо оно есть устройство насмешки и травли.

Устройство. Другой упал, ошибся, не понял; смеющийся не упал; смех есть знак: «я выше». Мгновенная слава; и она сладка, оттого насмешка есть искушение всякого умеющего шутить.

Мишень. Аристотель и Цицерон: мишень смеха — мелкий недостаток, не несчастье; порок, не беда; сильный, не слабый. Смех над сильным есть сатира; смех над слабым — подлость; и устройство одно.

Смех над собой переворачивает превосходство: смеющийся над собой стоит выше себя прежнего, и никто не унижен; о том глава девятнадцатая.

Хор. Превосходство одного смешит его; превосходство хора над одним бьёт того; о смехе толпы — глава двадцать шестая.

Ирония есть превосходство в слове: говорящий знает больше, чем говорит, и слушатель, понявший, встаёт рядом с ним; не понявший остаётся мишенью. Сократ ею вёл беседу; о том книга о вопросе.

Признак насмешки: смеющиеся стоят выше мишени и не пустят её к себе; признак юмора: мишень смеётся вместе.

Правило: *мишень выбирай выше себя или в себе; и смех, к которому мишень не может присоединиться, есть удар.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Смех и общность

Смех есть знак *людям*, и первое, что он *делает*, — соединяет смеющихся; кто смеётся вместе, тот заодно.

Устройство. Смех заразителен: один начал — засмеялись все, о чём книга о толпе. Смеющиеся вместе узнают друг в друге своих: понял шутку — свой; не понял — чужой. Оттого у всякого круга — свои шутки, и они суть пароль.

Карнавал. Бахтин: раз в год верх и низ меняются, смеются все и над всем, и общество, посмеявшись, возвращается к порядку обновлённым. Смех всенародный не имеет мишени: мишень — всё. О празднике как обряде — книга о ритуале.

Смех в речи соединяет говорящего и зал: засмеявшиеся с ним уже с ним; Цицерон это знал, о чём глава двадцатая.

Смех в деле. *Люди*, смеющиеся вместе, работают вместе *лучше*; шутка снимает чин на минуту; и мастер, шутящий с учениками, ближе к ним.

Изнанка. Общность смеющихся есть граница: кто вне её, тот мишень. Смех «своих» над «чужими» соединяет своих и бьёт чужих; о том глава двадцать шестая.

Улыбка — смех без звука — знак приязни, читаемый всеми народами; о ней книга о жесте: она искренна глазами, а не ртом.

Правило: *смейся с людьми, а не над ними, и они твои; и знай, что круг, соединённый смехом над кем-то, соединён против.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мера смешного

Смех имеет меру по трём осям: сколько, над чем и когда; и Квинтилиан прав, что учением удерживают меру, а не даруют дар.

Сколько. Шутка в речи — приправа: одна на страницу; речь из шуток есть представление, и ей не верят. Шут при столе весел, покуда не утомил; шутящий всегда есть человек, которого не слушают всерьёз, о чём глава двадцать девятая.

Над чем. Мишень: порок, не беда; сильный, не слабый; своё прежде чужого; общее прежде личного. Есть предметы, над которыми смеются лишь свои: смерть, вера, тело; чужой, шутящий о них, бьёт.

Когда. В срок общества и в срок события из главы двенадцатой; не над бедой вблизи; не при том, кому больно.

Мера хохота. Смех тела, потерявший меру, есть истерика; и в толпе он опасен, как паника; о том книга о толпе.

Мера иронии. Ирония постоянная есть отказ говорить прямо; собеседник перестаёт понимать, где правда; о бегстве в иронию — глава двадцать девятая.

Проверка меры: засмеялась ли мишень? Если да — юмор; если нет — спроси, отчего, и не отвечай «я пошутил», о чём глава двадцать седьмая.

Правило: *одна шутка на страницу; мишень выше или в себе; в срок; и мера проверяется смехом мишени.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЕСЛО

Строение шутки, острота в разговоре, смех над собой,
смех в речи, в учении и в споре,
смех и власть, смех как лекарство

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Строение шутки

Шутка есть устроенное несовпадение, и строение её описано; кто знает строение, тот пишет шутки, как пишут письма, — не всегда хорошо, но всегда правильно.

Две части. Завязка строит ожидание: обстановка и ход, в котором всё ясно. Развязка подменяет: одно слово, меняющее смысл завязки. Всё лишнее между ними — долой: шутка есть кратчайший путь от ожидания к подмене.

Ключевое слово — последнее. Переставить его в середину — и шутка умерла. Проверка: можно ли что-то сказать после? Если да — сократи.

Правда в завязке. Ожидание строят из знакомого: быт, общее место, известное лицо. Завязка выдуманная не создаёт ожидания, ибо ей нечего подменять.

Виды по подмене из главы одиннадцатой: слово, лицо, причина, масштаб, порядок, буквальность. Анекдот — шутка с действующими лицами; острота — шутка в одной фразе; каламбур — подмена словом; пародия — подмена стиля; ирония — подмена знака.

Проверка. Сказать вслух троим; если не смеются — не объяснять, а перестроить: ожидание слабое или подмена не в конце. Записывать: шутка, не записанная, забыта.

Кража. Шутка есть товар, о чём книга о товаре; чужую рассказывают с именем.

Правило: *завязка из знакомого, развязка в последнем слове, ничего лишнего; проверь на троих и не объясняй.*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Острота в разговоре

Острота в разговоре есть шутка, найденная за секунду из того, что сказано; и она даётся тем, кто слушает, а не тем, кто готовит.

Устройство. Собеседник сказал слово с двумя смыслами, или преувеличил, или сказал буквально переносное; острота берёт второй смысл и возвращает. Материал — чужая речь; оттого острит слушающий, о чём книга о вопросе.

Приёмы. Взять буквально: «я умираю от голода» — «завещание готово?». Довести до конца: чужой довод — до нелепости. Перевернуть: «не я такой, жизнь такая» — «жизнь тоже так говорит». Согласиться сверх меры. Ответить на другой вопрос.

Срок — в промежутке, в конце чужой фразы; острота с опозданием есть острота на лестнице.

Мишень. В разговоре мишень близко, и острота о собеседнике колет; мишень безопасная — положение, слово, общий враг, сам острящий.

Мера. Одна острота на беседу запомнится; десять — утомят, и острящего сочтут шутом. Острота, требующая объяснения, не удалась; острота, вызвавшая молчание, ударила — и тогда не «я пошутил», а «прости».

Правило: *слушай на второй смысл, отвечай в промежутке, мишень — не собеседник; одна на беседу, и молчи, если нет.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Смех над собой

Смех над собой есть самый безопасный и самый сильный из смехов: никто не унижен, и смеющийся стоит выше своего промаха.

Устройство. Мишень — сам; превосходство — над собой прежним; хор смеётся вместе, а не над. Гоголь: над собой смеётесь — и это не упрёк, а ремесло.

Что даёт. Снимает страх стыда, о котором книга о страхе: осмеянный первым сам не может быть осмеян вторым. Располагает: смеющийся над собой не выше слушателей. Отводит удар: насмешник, которому мишень ответила смехом над собой, остался без мишени; о том глава тридцать девятая.

Как. Над промахом, не над сутью: над оговоркой, а не над ремеслом; над опозданием, а не над делом. Коротко и без жалобы: смех над собой, переходящий в самоуничижение, есть просьба о жалости, и она не смешна.

Мера. Смеющийся над собой постоянно приучает других не принимать его всерьёз; о том глава двадцать девятая. Ведущий, смеющийся над своим делом, роняет дело. Одна на речь; и не над тем, за что отвечаешь.

Власть. Правитель, умеющий смеяться над собой, страшен менее и держится дольше; не умеющий — запрещает смех, о чём глава тридцать первая.

Правило: *смейся над своим промахом первым, коротко и без жалобы; не над сутью и не всегда.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Смех в речи

Цицерон положил смех приёмом речи, и ремесло его в речи перед людьми известно: расположить, снять, запомниться.

Расположить. Шутка в начале соединяет зал с говорящим: засмеявшиеся — с ним. Мишень — сам говорящий, положение, общее; не зал и не противник прежде довода. О начале речи — книга о риторике.

Снять. Довод противника, доведённый до нелепости, снят без спора; о том глава двадцать вторая. Напряжение зала после тяжёлого места снимается одной шуткой, и зал слушает дальше.

Запомниться. Мысль, к которой пришли смехом, помнят; о смехе и памяти — глава двадцать первая.

Устройство. Одна шутка на пять минут; в срок — не в середине довода; пауза после, о чём глава двенадцатая; и готовить заранее: острота в речи есть шутка, написанная и сказанная как найденная.

Ошибки: шутка вместо довода — зал засмеялся и не поверил; шутка над залом; шутка, не удавшаяся, за которой — объяснение; и речь из шуток, которую сочтут представлением.

Если не засмеялись — идти дальше без паузы; не удавшаяся шутка, оставленная позади, забыта; отмеченная говорящим — помнится.

Правило: *одна на пять минут, мишень — не зал, довод прежде шутки, пауза после; не удалась — иди дальше.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Смех в учении

Учащий смехом учит лучше, и устройство этого известно: смех держит внимание, помечает мысль и снимает страх ошибки.

Внимание. Смех есть перемена, а внимание живёт переменой, о чём книга о внимании; шутка в лекции возвращает ушедших. Одна на четверть часа.

Память. Мысль, пришедшая со смехом, помечена телом и помнится; об этом книга об искусстве памяти: образ смешной держится дольше пристойного. Правило, изложенное через нелепый пример, помнят годами.

Страх. Ученик, боящийся ошибки, не пробует, о чём книга о страхе; учитель, смеющийся над своей ошибкой, разрешает ошибаться. Смех над ошибкой ученика — наоборот: запрещает; о том глава двадцать пятая.

Мишень в учении: предмет, положение, сам учитель, общий промах; никогда — ученик поимённо.

Мера. Урок из шуток не учит: смех тела вытесняет ум; шутка есть приправа к делу, а не блюдо. И смех, отвлекающий от трудного места, есть бегство от него.

Загадка и парадокс — смешное для ума: несовпадение, которое ученик разрешает сам, и находка есть учение; о вопросе как орудии — книга о вопросе.

Правило: *одна шутка на четверть часа, нелепый пример к правилу, смех над своей ошибкой, никогда над учеником.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Смех в споре

В споре смех есть оружие обоюдоострое: он снимает довод и снимает доверие; и ремесло его в споре есть ремесло меры.

Снять довод. Довести до нелепости: если так, то и вот так; о сведении к абсурду — книга о логике. Взять буквально. Показать несовпадение слов противника с его делом. Всё это — смех над доводом, и он законен.

Снять человека. Осмеять противника, а не довод, — довод против человека, о чём книга об ошибках рассуждения; зал смеётся, довод стоит. Это незаконно и, при умном противнике, обращается против: «смеётесь, ибо ответить нечем».

Защита. На смех над доводом — отделить нелепость от довода: «доведено до края, которого я не говорил». На смех над собой — смех над собой первым, о чём глава девятнадцатая, и возврат к доводу: «и всё же». Не обижаться вслух: обиженный проиграл зал.

Сократ вёл спор иронией: соглашался сверх меры, и противник сам приходил к нелепости; о том книга о вопросе.

Мера. Смех в споре расположит зал и не убедит его: засмеявшиеся ушли довольными и без мысли. Довод прежде смеха; смех как приправа.

Правило: *смейся над доводом, не над человеком; на смех отвечай доводом и смехом над собой; и не обижайся вслух*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Смех и власть

Власть и смех связаны издревле: шут при троне, сатира при республике, анекдот при несвободе; и устройство этой связи надлежит знать оператору с обеих сторон.

Шут. Тот, кому позволено смеяться над правителем: клапан, через который выходит то, что иначе взорвётся; и зеркало, в котором правитель видит себя, когда прочие льстят. Лир без шута погиб. Умная власть держит шута; глупая — вешает.

Сатира. Аристофан, Свифт, Салтыков-Щедрин: смех над властью при позволении смеяться; и позволение это есть мера свободы общества: где сатира, там власть терпит правду.

Анекдот. Смех над властью без позволения: шёпотом, с оглядкой; и он есть речь правды, когда иной нет, о чём глава седьмая. Власть, преследующая анекдот, показывает, что боится смеха более, чем бунта.

Юродивый — смех наизнанку: осмеянный, говорящий царю правду; безопасен тем, что смешон.

Для оператора у власти: держи шута; смейся над собой первым; не запрещай смеха — запрещённый смех уходит в шёпот и растёт. **Для оператора под властью:** смех есть речь, когда речи нет; и он безопаснее прямого слова, покуда власть не поняла его силы.

Правило: *власть, над которой можно смеяться, держится; власть, над которой смеются тайно, уже пала.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Смех как лекарство

О смехе говорят как о лекарстве, и часть этого верна, а часть — торговля; различим.

Что верно. Смех расслабляет мышцы, снижает напряжение после, притупляет боль на время, улучшает настроение; больные, смеющиеся, переносят лечение легче. Умеренно и на срок.

Что не показано. «Смех лечит рак», «продлевает жизнь на годы», «заменяет лекарство». Казинс, вылечивший себя смехом в 1976 году, был один, и болезнь его была из тех, что проходят; о счёте по одному случаю — книга о случае.

Смех и страх. Единственное настоящее лекарство: образ, над которым смеются, не пугает; о том глава тринадцатая и книга о страхе. Врачи и солдаты лечат так себя.

Смех и горе. Смех на похоронах, на поминках — обрядовый, о котором Пропп; он не кощунство, а разрядка; и общество, умеющее смеяться в горе, переживает его. Не смеяться вместо горя, а рядом с ним.

Смех и одиночество. Смех есть знак людям; одинокий не смеётся; и первое лекарство одинокому — общество, в котором смеются, а не смешное на экране, о чём глава двадцать восьмая.

Мера. Смех вместо лечения есть бегство, о чём глава двадцать девятая; смех рядом с лечением — помощь.

Правило: *смех облегчает и не лечит; смейся над страхом, рядом с горем и среди людей; и не покупай смеха как лекарства.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРОТИВНИК

Осмеяние и смех толпы, шутка как увёртка,
торговля смехом, смех как бегство, пошлость,
запрет смеха и обида

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Осмеяние

Первый противник есть смех как удар: осмеяние человека при других; и устройство его надлежит знать, чтобы не бить и чтобы держать удар.

Устройство. Мишень — человек, не порок; превосходство — смеющегося над ним; хор — при других; и мишень не может присоединиться. Всё из главы четырнадцатой; и Гоголь прав: удар этот страшнее кары, ибо помнится.

Виды. Насмешка над телом, речью, происхождением — над тем, чего не выбирают. Передразнивание. Прозвище, о чём книга об имени: прилипшее имя есть осмеяние навсегда. Смех над ошибкой ученика при классе. «Шутка» с мишенью в комнате.

Признаки: мишень не смеётся; смеющиеся смотрят на неё; после смеха — тишина; и «да ладно, шутка», о чём глава двадцать седьмая.

Чем вредно бьющему. Осмеявший при других показал всем, что осмеёт и их; доверие ушло; о том, как учат страхом, — книга о страхе.

Защита — глава тридцать девятая: смех над собой первым; вопрос «что именно смешно?», который заставляет объяснять, а объяснённое не смешно; спокойствие, ибо обиженный вслух кормит хор; и уход, если хор не унимается.

Для оператора: ни разу при других над учеником, подчинённым, ребёнком, слабым; удар этот не забывают.

Правило: *мишень-человек при хоре есть удар; не бей; а под ударом — смейся над собой первым и спрашивай, что смешно.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Смех толпы

Осмеяние хором есть травля; и устройство её то же, что у паники в книге о страхе: заражение, сужение, один выход.

Устройство. Один засмеялся над одним; заражение — засмеялись все; каждый смеётся, ибо смеются все, о чём книга о толпе; мишень одна, хор растёт; и хор, посмеявшись, ищет следующего.

Где. Класс, двор, служба, сеть — о сети как о толпе без лица книга о сети: там хор не видит мишени и оттого не знает меры.

Кто. Заводила — один; хор — те, кто боится быть мишенью; и оттого травля держится страхом хора, а не злобой.

Разрыв. Один не засмеявшийся: хор, в котором один молчит, слабеет; двое — уже не хор. Оператор, находящийся в толпе, есть тот, кто не смеётся; и это мужество из книги о страхе.

Для ведущего. Учитель, начальник, старший: остановить при первом смехе; назвать: «это травля»; не смеяться с хором ради своих; и дать мишени слово.

Карнавал отличается от травли тем, что мишень — все и каждый; и переходит в травлю, едва мишень стала одна.

Правило: *не смейся, когда смеются над одним; хор из твоего молчания слабеет; а ведущий — останови при первом*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Шутка как увёртка

«Я пошутил» есть отказ отвечать за сказанное; и увёртка эта служит удару, лжи и бегству от вопроса.

Удар под видом шутки. Сказано обидное; мишень возразила; «да это шутка, что ты» — и мишень оказалась без чувства юмора. Удар нанесён и снят с бьющего; о том книга об обмане в главе об оговорке.

Проба под видом шутки. Сказано то, что хотят сказать всерьёз; если приняли — всерьёз; если нет — «шутка». Так пробуют границы: намёк, предложение, угроза.

Уход от вопроса. На прямой вопрос — шутка; зал засмеялся, вопрос забыт; о том книга о вопросе в главе об уклонении и книга о риторике.

Признаки: «шутка» произносится после возражения, а не до; шутка была с мишенью в комнате; и вопрос остался без ответа.

Защита. «Хорошо, шутка; а теперь всерьёз?» — возврат к вопросу. «Что именно было смешно?» — объяснение убивает шутку и обнажает удар. И не принимать «шутка» как извинение: извинение звучит «прости».

Для оператора: сказанное — сказано; шутка, ударившая, требует «прости», а не «шутка»; и вопрос, от которого ушёл смехом, вернётся.

Правило: *«шутка» после возражения есть увёртка; верни вопрос, спроси, что смешно, и жди «прости».*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Торговля смехом

Смех продают: представлением, лентой, закадровым хохотом; и часть торговли есть ремесло, а часть — смех тела без ума, отпускаемый в розлив.

Честное. Комедия, сатира, представление мастера: устроенное несовпадение за плату; ремесло стоит как ремесло, о чём книга о товаре.

Закадровый смех. Записанный хохот, подложенный под шутку: заражение из главы шестой; зритель смеётся, ибо смеются, и считает несмешное смешным. Хор, купленный и приложенный. Признак: убери запись — и тишина.

Лента. Смешное короткое без конца: смех тела по одному в минуту, без несовпадения ума; внимание, о котором книга о внимании, кормится переменой и не насыщается. Час смеха — и ничего не запомнено.

Смех как наркоз. Общество, смеющееся над всем, не обсуждает ничего; Постман назвал это «развлечением до смерти». Сатира без мишени, смех без правды.

Признаки: смех без мишени и без мысли; хор приложен; после — пустота; и «ещё одно».

Защита: спрашивать после смеха: над чем? Если ни над чем — это было тело. Смеяться с людьми, а не с лентой; и держать меру часов, как с новостями.

Правило: *ремесло смеха стоит как ремесло; смех без мишени и с приложенным хором есть товар для тела; спрашивай, над чем.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Смех как бегство

Кто шутит всегда, тот не говорит никогда; и смех, ставший способом не быть всерьёз, есть бегство, о котором книга о воле говорит как об отговорке.

Устройство. Серьёзное страшно: можно ошибиться, быть отвергнутым, отвечать. Шутка снимает страх: сказавший шуткой не сказал. Облегчение выучивается; и человек шутит при всякой серьёзности — в любви, в горе, в деле.

Ирония постоянная — та же увёртка: говорящий обратное не говорит ничего и не отвечает ни за что; собеседник перестаёт понимать; и ироник остаётся один с превосходством над всеми.

Цинизм — смех над всем ценным как над мнимым; защита от разочарования: кто ни во что не верит, того не обманут; и не обрадуют.

Признаки: на серьёзное — шутка; на чувство — ирония; на дело — «да ладно»; и люди перестают спрашивать всерьёз.

Цена. Шутящему всегда не верят, когда он серьёзен; его не зовут, когда трудно; и он сам не знает, что думает, ибо не говорил.

Средство. Одна серьёзная фраза в день без шутки после; заметить страх за шуткой и назвать его, о чём книга о страхе; и ответить прямо на один прямой вопрос.

Правило: *шутка всегда есть бегство от серьёзного; скажи одно всерьёз и не смейся после*.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Пошлость

Пошлое есть смешное без несовпадения: смех тела, вызванный низом, запретным, повтором; и оно есть противник ремесла изнутри.

Устройство. Запретное — тело, отправления, срам — даёт разрядку из главы пятой без всякой шутки: ума нет, тело смеётся. Легко, надёжно и ниже ремесла. Аристотель звал это площадным.

Виды. Грубое слово вместо остроты. Шутка о теле там, где ждали ума. Повтор известного. Заезженный ход, узнаваемый за версту. И смех над слабым — пошлость мишени.

Отчего работает. Разрядка не требует находки; зал смеётся телом; и мастер, уставший, идёт туда, ибо там верно. Признак усталости ремесла.

Отчего вредно. Приучает зал к телу: после пошлого несовпадение ума кажется пресным. Роняет говорящего: смех есть, уважения нет. И в речи — убивает довод: зал, засмеявшийся низом, не слушает верха.

Мера. Раблезианское — смех над телом при всенародном карнавале — не пошлость, ибо мишень — все; пошлость — то же в речи одного к залу за неимением мысли.

Проверка: есть ли подмена? Если смеются без находки — это тело; и спроси себя, отчего не нашёл иного.

Правило: *пошлое есть смех без находки; не ходи туда за неимением; и после него зал глух к уму.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Запрет смеха

Противник противоположный: тот, кто смеха не терпит — власть, вера, чин, человек; и запрет смеха есть признак страха перед ним.

Власть. Тиран запрещает анекдот, ибо боится смеха более бунта, о чём глава двадцать третья; и запрещённый смех уходит в шёпот и растёт. Умная власть держит шута.

Вера. Смех над святым запрещён у всех; и мера здесь — в различении: смех над верующим есть удар; смех над собой верующего есть юмор; смех над святыней чужой веры есть удар по чужому, о чём глава шестнадцатая. Монахи средневековья спорили, смеялся ли Христос; спор этот — сюжет Эко.

Чин. Начальник, не терпящий шутки, боится, что смех обнаружит несовпадение чина и человека; Бергсон о механическом. Оттого его и осмеивают тайно.

Человек без юмора — тот, кто не смеётся над собой; и всякая шутка кажется ему ударом, о чём следующая глава.

Для оператора: не запрещай смеха над собой — смейся первым; не запрещай смеха в деле — шутящие работают вместе; и различай смех над делом и смех над тобой.

Мера запрета. Есть срок и место без смеха: горе вблизи, чужая святыня, чужая боль; это не запрет, а мера из главы шестнадцатой.

Правило: *запрещающий смех боится его; смейся над собой первым и не запрещай; но знай место и срок*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Обида

Последний противник — в мишени: обида на шутку, которая не была ударом; и различить удар от шутки есть ремесло осмеянного.

Устройство. Шутка задела; тело собралось, как на угрозу, о чём книга о страхе; и обида есть страх стыда, обращённый в гнев. Обидчивый видит удар во всяком смехе, ибо ждёт его.

Различение. Мишень — человек или положение? Могу ли присоединиться? Смеялся ли шутивший над собой прежде? Хор смотрит на меня или смеётся вместе? Если положение, могу, смеялся, вместе — это шутка, и обида моя.

Цена обиды. Обиженный вслух проиграл зал и подтвердил мишень; обиженный молча носит; и оба выучивают других не шутить при нём — и не говорить.

Средство. Промежуток, о котором книга о воле: выдох, четверть часа. Потом — различение. Если шутка — засмеяться с опозданием, и это не стыдно. Если удар — глава тридцать девятая: смех над собой, вопрос, что смешно, спокойствие.

Обидчивость лечится смехом над собой: кто осмеял себя сам, того осмеять нельзя; упражнение — в главе тридцать шестой.

Для шутящего: обида мишени есть сведение: либо был удар, либо мишень не могла присоединиться; в обоих случаях — «прости», а не «шутка».

Правило: *выдохни, различи мишень и хор; шутка — засмейся, удар — держи; и упражняй смех над собой.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего смех не может, смех и серьёзность,
смех и дело,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего смех не может

Соберём пределы, ибо о смехе говорят как о победе.

Он не убеждает. Зал, засмеявшийся, расположен и не убеждён; довод делает своё, смех — своё.

Он не лечит. Облегчает, притупляет, соединяет; и не заменяет врача, о чём глава двадцать четвёртая.

Он не даётся учением. Квинтилиан прав: острота есть дар; мера и строение выучиваются; и выученное строение без дара даёт правильные шутки, над которыми не смеются.

Он не безобиден. Гоголь прав; четвёртая часть о том.

Он не заменяет речи. Шутящий всегда не сказал ничего; о том глава двадцать девятая.

Он не свергает власти сам по себе; он лишает её страха, и это первое, а не последнее.

И он не одинок: смех для себя есть редкость, и смешить некого — значит не смешить.

Кто знает эти пределы, тот шутит одну на страницу, бьёт по пороку, а не по человеку, смеётся над собой первым и говорит всерьёз, когда надо; и получает то, что смех даёт, не требуя того, чего он не может.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Смех и серьёзность

Книга обещала эту границу с первой главы; проведём её, ибо смех и серьёзность принимают за противников, а они соседи.

Смех над серьёзным серьёзен. Сатира есть речь о пороке; Гоголь есть речь о России; анекдот при несвободе есть речь правды. Смеющийся над пороком относится к нему серьёзнее, чем молчащий.

Серьёзность без смеха мертва. Бергсон: механическое, наложенное на живое; чин без человека; вера без юмора; учение без шутки. Общество, не смеющееся, окостенело; власть, не терпящая смеха, боится.

Смех вместо серьёзного есть бегство; серьёзность вместо смеха есть страх. Оба — противники из четвёртой части.

Бахтин назвал смех двойственным: хоронит и рождает разом; карнавал отрицает порядок, чтобы порядок обновился. Смех, не имеющий второй стороны, есть либо тело, либо удар.

Мера есть переход: уметь сказать всерьёз после шутки и пошутить после серьёзного; и знать, где что. Кто умеет лишь одно, тот наполовину нем.

> Смех над серьёзным серьёзен;
> серьёзность без смеха мертва;
> смех вместо — бегство, серьёзность вместо — страх;
> и мера есть умение перейти.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Смех и дело

Смех служит делу или мешает ему; и мера смеха в деле есть мера ремесла оператора.

Что смех даёт делу. Соединяет работающих: шутящие вместе работают вместе, о чём глава пятнадцатая. Снимает страх ошибки, о чём глава двадцать первая. Держит внимание в долгом деле. Снимает чин на минуту, и подчинённый говорит правду, которой не сказал бы всерьёз. Обнаруживает несовпадение слов и дела — и это сведение.

Что смех отнимает у дела. Время, если смех вместо дела. Серьёзность, если шутят всегда. Доверие, если смеются над одним. Мысль, если пошлое вытеснило ум.

Мера ведущего. Шутка в начале и в трудном месте; смех над собой первым; никогда над подчинённым при других; шут при себе — тот, кто скажет правду смехом; и запрет одного: смеха над тем, что делаем.

Мера ведомого. Шутка в промежутке, не в середине дела; мишень — положение; и одна серьёзная фраза, когда спросят всерьёз.

Итог лестницы. Книга эта стоит рядом с книгами о страхе и о риторике и служит всем прочим: кто умеет смеяться над собой, тот не боится стыда, не обижается и не бежит в шутку; и оттого смех есть мера мужества, а не его противник.

Правило: *шути с людьми, над собой и над пороком; всерьёз — о деле; и знай переход.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

Смеху учатся ремеслом строения и меры; и упражнения здесь суть ступени одного ремесла.

Разбор. Десять чужих шуток на лист; в каждой — завязка, подмена, вид подмены.

Строение. Ежедневно одна своя шутка письменно: завязка из знакомого, подмена в последнем слове; проверить на троих.

Второй смысл. Неделю слушать беседы на двусмысленность; отмечать, не отвечая.

Смех над собой. Ежедневно одна шутка о своём промахе вслух.

Мишень. Неделю отмечать всякий свой смех: тело, ум или хор; над чем; могла ли мишень присоединиться.

Молчание в хоре. Однажды не засмеяться, когда смеются над одним.

Серьёзная фраза. Одна в день без шутки после.

Речь. В следующую речь — одна шутка в начале, мишень — сам; пауза после.

Чтение. Аристотель «Поэтика»; Цицерон «Об ораторе», о смешном; Бергсон «Смех»; Пропп «Проблемы комизма и смеха»; Гоголь «Ревизор» с «Театральным разъездом».

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; и здесь оно есть само ремесло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена смеющегося

Соберём ежедневные правила, малые каждое и достаточные вместе.

Смейся с людьми, не с лентой.

Над собой — первым, над промахом, не над сутью.

Мишень — порок, положение, сильный; не беда, не слабый, не тело.

Одна шутка на страницу речи и на четверть часа урока.

Подмена — в последнем слове; не объясняй.

Не смейся, когда смеются над одним.

Ударил — «прости», не «шутка».

Задело — выдохни и различи мишень и хор.

Одна фраза в день всерьёз без шутки после.

Не ходи в пошлое за неимением.

Спрашивай после смеха: над чем.

Знай место без смеха: горе вблизи, чужая святыня, чужая боль.

Правила эти просты, и это их достоинство: смех живёт в скучном ежедневном ремесле меры, а блестящее в нём есть дар, которому правила дают берега.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила шутящего

Соберём правила для того мгновения, когда шутка просится наружу.

Спроси: над чем и над кем.

Мишень в комнате — молчи, если мишень не ты.

Строй ожидание из знакомого.

Подмена — последним словом; после него — ничего.

Вдох перед, тишина после.

В промежутке чужой речи, не в середине.

Не засмеялись — иди дальше, не объясняй.

Засмеялись все, кроме одного — это был удар; «прости».

Довод прежде шутки, если спор.

Одна — и дальше всерьёз.

И помни, что шутящий выбирает мишень, и по мишени судят о нём; и всё, что ты сказал смехом, сказано тобой, а не смехом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила осмеянного

И правила для того, кто стал мишенью, — в классе, на службе, в зале, в сети.

Выдохни: тело собралось, как на угрозу; четверть часа.

Различи: мишень — я или положение; могу ли присоединиться.

Шутка — засмейся, хоть с опозданием.

Удар — смейся над собой первым: хор без мишени.

Спроси: «что именно смешно?» — объяснённое не смешно.

Не обижайся вслух: обиженный кормит хор.

Не отвечай ударом: два удара — драка, и хор смотрит.

Верни дело: «и всё же — к вопросу».

Хор не унимается — уйди; уход спокойный не есть бегство.

После — к тому, кто не смеялся: он есть.

И помни, что осмеянный, засмеявшийся над собой, стоит выше хора; и всё, что хор сказал о тебе, сказано хором, а не тобой.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: смех и мера

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Смех есть *телесный знак людям о несовпадении без зла*. Он тело и общий; смешное есть несовпадение с разрешением; и по мишени судят о смехе. Три вида — тело, ум, хор; три учения — разрядка, несовпадение, превосходство; и все три верны о своём.

Древние положили смех законной речью и дали меру; учения объяснили виды; опыты показали, что смех есть знак людям прежде, чем ответ на шутку. Ремесло — строение, острота, смех над собой, речь, учение, спор, власть, лекарство — едино в правиле: ожидание из знакомого, подмена в конце, мишень выше или в себе, одна на страницу.

Противники — осмеяние, хор, увёртка, торговля, бегство, пошлость, запрет, обида — узнаются по одному: мишень не может присоединиться; и защищаются одним: смех над собой первым, вопрос «что смешно», молчание в хоре, серьёзная фраза после.

И последнее. *Смеха боится даже тот, кто уже ничего не боится*. Кто умеет смеяться над собой, тот не боится смеха и не бьёт им; и оттого смех есть мера мужества и мера серьёзности, а не их противник. На этом стоит и смех, и мера.

СМЕХ

Устройство смешного и ремесло шутки

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм